

В. П. БУДАРАГИН, Г. В. МАРКЕЛОВ

Орнаментика крестьянской рукописной книги XVIII—XIX вв.

Изучение художественного оформления рукописей поздней традиции только еще начинается. Если орнаменты рукописей XI—XVII в. привлекали внимание исследователей уже в прошлом столетии и особенно в последние десятилетия, то сведения об украшении рукописных книг в последующий период их истории отрывочны и носят скорее информативный характер.¹ Встречаются отсылки на рукописи XVIII—XIX вв. в работах по народно-прикладному искусству, но и они не исследуют материал, а только привлекают его в качестве аналогий.² Несколько больше повезло поморским рукописям — понятия «поморский полуустав», «поморский орнамент» давно стали достоянием учебников и пособий по палеографии.³ В то же время термин «поморская рукопись», означающий, что книга вышла из книгописных мастерских Выголексинского общежительства, подчас толкуется расширительно, как синоним любой северной рукописной книги XVIII—XIX вв.⁴ И давно уже нет специальных исследований, посвященных книжному искусству Выгореции, просуществовавшему почти полтора столетия и, несомненно, стилистически более многообразному, чем представляется это по отдельным случайным рукописям и репродукциям.

Если поморские рукописи бытовали прежде всего в среде старообрядцев-беспоповцев поморского и федосеевского согласий, то рукописные книги гуслицкого письма и орнамента пользовались преимущественным авторитетом у старообрядцев-поповцев. Гуслицкий орнамент оформился стилистически в последней четверти XVIII в. и встречается в рукописях до 20-х гг. нашего столетия. Он тоже легко «опознается», хотя его колорит и претерпел некоторые изменения.

Количество сохранившихся орнаментированных книг поздней рукописной традиции свидетельствует, однако, о существовании и каких-то других книгописных центров, подчас испытывавших влияние поморского, гуслицкого или старопечатного орнамента, но зачастую вполне самобытных и свя-

¹ Краткий экскурс в историю изучения орнаментики и библиографию см. в предисловии О. И. Подобедовой к разделу «Орнаментика русских рукописей XI—XVII веков» в кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник второй. М., 1974, с. 198—204.

² О. В. К р у г л о в а. Северодвинские росписи. — В кн.: Русское народное искусство Севера. Сборник статей. Л., 1968, с. 21; Н. В. Т а р а н о в с к а я. 1) Росписи на Мезени и Печоре. — Там же, с. 56—58; 2) Мастера народных росписей по дереву на Печоре. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 348.

³ В. Н. Щ е п к и н. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 60—65; Л. В. Ч е р е п и н. Русская палеография. М., 1956, с. 488—491. См. также: А. Н. С в и р и н. Искусство книги Древней Руси. М., 1964, с. 148—149; Н. Н. Р о з о в. Русская рукописная книга. Л., 1971, с. 112—117.

⁴ См., например, статью: Н. А. К о ж и н. Искусство рукописной книги XVIII—XIX вв. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 196.

занных скорее с народно-прикладным искусством. В этой статье мы делаем попытку рассмотреть орнаментику рукописей некоторых собраний и двух территориально связанных с ними личных коллекций Древлехранилица Пушкинского Дома. Мы видим свою задачу не в исследовании и обобщении, а скорее в «показе» самого материала. Отсутствие единой терминологии и ее полная неразработанность в отношении орнаментов поздней традиции неизбежно усложнят изложение и восприятие материала, но мы надеемся, что приведенный иллюстративный материал частично компенсирует этот недостаток.

Сначала обратимся к выявлению и описанию разновидностей орнаментов, извлеченных из более чем восьмисот рукописей, найденных в русских старообрядческих деревнях на территории Прибалтики, хранящихся в фондах Латгальского и Причудского собраний, а также в коллекции рижанина И. Н. Заволоко.

Русское старообрядческое население Прибалтики, находясь в сравнительно благоприятных условиях, сохраняло в своей среде традиционные для себя виды художественных промыслов. Существовали иконописные мастерские — например, особенно известная с 80-х гг. прошлого столетия школа Г. Е. Фролова (д. Рая, Причудье), мастерские бронзового литья (д. Петровка в Латгалии, братья Олейниковы), имелись мастерицы художественной вышивки (целые многокрасочные иконы вышивали, например, М. Т. Васюкова в г. Двинске, Е. Е. Домашева в г. Муствее), орнаментированной вышивкой украшались пелены и покрывала в алтарях храмов, детали одежд, ковриков, скатертей, рушников.⁵ Узорчатым декором покрывались бытовые предметы крестьянского обихода, мебель, печи, резные наличники. Орнамент, подчас красочный, повсюду сопутствовал крестьянину. Особенно богатые узоры видел он в интерьерах молитвенных домов и часто в убранстве рукописных книг, имевшихся едва ли не в каждом старообрядческом доме. Многовековая культура народного декоративного искусства запечатлевалась в произведениях безвестных крестьян на протяжении поколений.

Переписывание книг было неотъемлемой и важнейшей чертой культурного наследия крестьян-старообрядцев. По традиции, следуя старинным образцам, многие из вновь переписываемых книг украшались художественным декором. Творческая фантазия писцов следила прежде всего за бесспорными, каноническими оригиналами, из которых наибольшей авторитетностью пользовались рукописи так называемого «поморского» письма. Поэтому первым типом из рассматриваемых нами прибалтийских книжных орнаментов будут те, которые создавались местными переписчиками в подражание поморским.

Наиболее характерный вид поморских украшений — большая заставка-рамка с вписанным внутри титулом книги — весьма распространен в прибалтийских певческих рукописях. Богато украшенные титульные листы имеются во многочисленных Ирмологиях, Октоихах, Обиходах и других крюковых книгах. Однако мера и искусство подражания поморским образцам у разных книгописцев были разными. Например, в певческих рукописях Латгальского собрания (№ 17, 29, 73, 94, 150) и колл. Заволоко (№ 91, 95, 96) наблюдается подчас существенный отход от традиционного поморского колорита, нарушение рисунка, тщательности разделки деталей при сохранении общей конфигурации рамки. Отдельные части ее приобретают более локальную окраску интенсивных цветов: излюбленный колорит латгальских книжников — разные оттенки зеленого, желтого, малинового цветов, иногда довольно контрастного сочетания. Допускалась черная раскраска фона, на котором выделялись охристые детали рамки. Иногда композиция ее расплывается по полю листа; художник как бы

⁵ Об этом см.: И. Н. Заволоко. Альбом старинных русских узоров. Рига, 1929.

стремится закрыть все пространство бумаги изображениями. Орнаментированные инициалы, в целом сохраняя традиционный облик, приобретают преувеличенно крупные размеры — чуть ли не на половину листа, подавляя декором функциональное значение буквы. Прорисовка деталей орнамента нередко отличается небрежностью, объемная штриховка упрощена, узор скудеет, теряя поморскую изощренность.

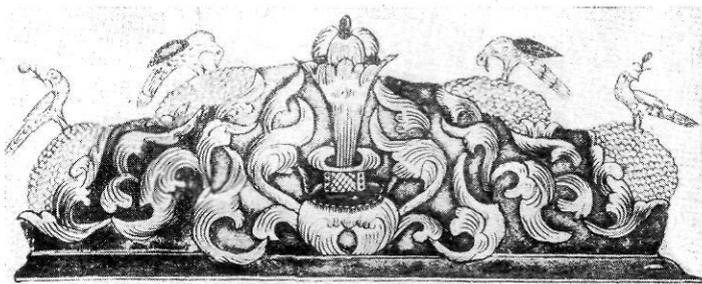
Заставка-рамка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 150, л. 4).

Примером такой «псевдопоморской» орнаментики является воспроизводимая заставка-рамка из крюкового Октоиха XIX в. (Латг. собр., № 150, л. 4). Рисунок темно-коричневыми чернилами, фон черный, элементы декора имеют локальную раскраску желтым и красным.

Подражание поморскому орнаменту мы находим в Ирмологии XIX в. (Латг. собр., № 17, л. 3). В этой заставке фон золотисто-зеленый, перистые султаны без раскраски, горки ягод малиновые, птички раскрашены в желтые и зеленые тона. Подножие заставки синего цвета.

Значительно реже подражание поморскому орнаменту встречается во внебогослужебных рукописях. Например, в сборниках литературно-исторического содержания (Латг. собр., № 5, 147; Колл. Завол., № 241) заставки отличаются в целом более тщательным рисунком с подштриховкой деталей, однако раскраска их заметно отличается от поморских образцов.

В Причудской рукописно-книжной традиции освоение поморского наследия шло своими путями. Имитируя поморские рукописи, местные переписчики добивались большего соответствия образцам. Например, тщательной отделкой, искусным рисунком «поморского» стиля выделяются заставки-рамки в двух Ирмологиях Прич. собр. (№ 77 и 78). «Выдает» местную традицию характер шрифта, который можно было бы назвать довольно грубым подражанием поморскому полууставу. Отличен от образцов и колорит. Вместо «золотого» фона заставок в Причудье часто использовался «серебряный», раскраска элементов орнамента отличается насыщенными локальными тонами желтого и зеленого с малиновой разделкой. Инициалы в рукописях имеют нарочитое выделение и укрупнение деталей орнамента (стебли, листья, плоды и т. п.) в ущерб поморским киноварным арабескам (см. рукописи Прич. собр., № 131 207).

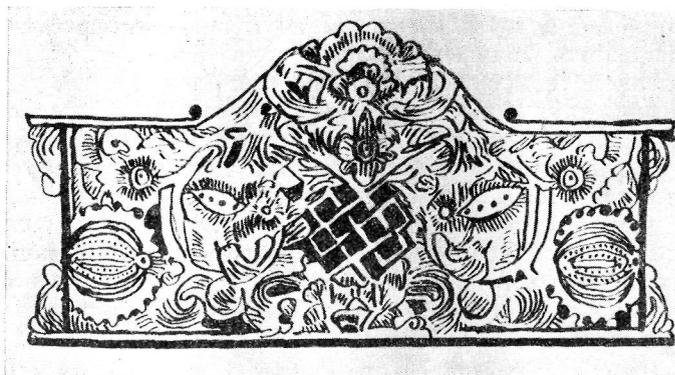
Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Дрeвлехранилище, Латгальское собр., № 17, л. 3).

Характерный образец работы «под» поморский орнамент мы встречаем в рукописи несомненно поморского же происхождения третьей четверти XVIII в. (Прич. собр., № 132, Октоих крюковой). Утраченный здесь лист с заставкой-рамкой был заменен в 1882 г. при переплете Октоиха М. П. Софроновым. Вероятно, им же была сделана заново заставка-рамка весьма неряшливого рисунка, грубой раскраски в красноватые и синеватые тона на бледно-желтом фоне.

Вообще же следует упомянуть, что как в Причудье, так и в Латгалии встречается и до сих пор используется по прямому назначению еще весьма значительное число поморских орнаментированных певческих рукописей, являющих собой превосходные образцы книгописного искусства XVIII—XIX вв.⁶ Вторым важнейшим источником, откуда черпали прибалтийские книгописцы образчики для собственных книжных упражнений, является графика старопечатных изданий XVI—XVII вв. и книг старообрядческих типографий, немалое число которых наполняло полки деревенских библиотек местных староверов.

Тип «старопечатной» заставки весьма распространен благодаря своей сравнительной простоте в изображении: перевитые растительные узоры, рисованные на черном фоне в рамке с навершием. Казалось бы, от переписчика здесь требуется лишь тщательность при копировании, как например это делал каллиграф, искусно скопировавший шрифт и художественный декор книги, изданной в 1568 г. Василием Невежей (Колл. Завол., № 233). Тем не менее такая точность воспроизведения — редкость, и пере-

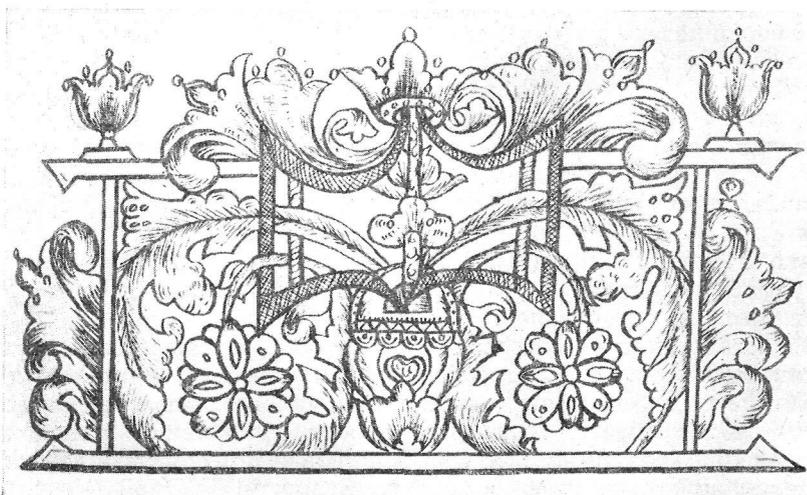
⁶ Заметим, кстати, что среди прибалтийских рукописей встречается лишь очень небольшое число содержащих орнаментику гуслицкой традиции (Латг. собр., № 3, 4, 47, 282; Колл. Завол., № 83). Эти рукописи были непопулярны в федосеевско-поморских общинах Прибалтики, так как содержали, как правило, истинноречные роспевы поповского старообрядческого толка. Поэтому их украшения и не имели сколько-нибудь заметного влияния на местную рукописно-книжную традицию.

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Заволоко, № 63, л. 192).

Заставка, 1890 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 100, л. 6).

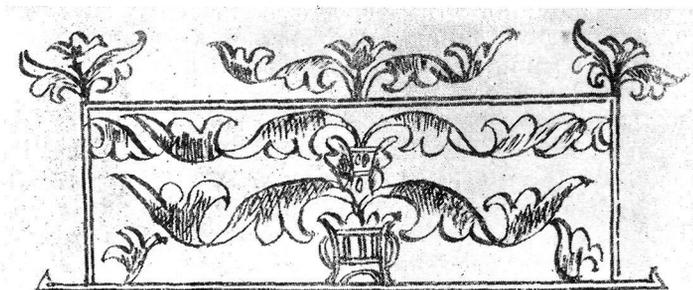
Заставка, 1887 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 66, л. 59).

писчики, как правило, оставляют в своих рукописях вольные реплики на старопечатные образцы. Примером тому является заставка из списка конца XIX в. «Апологии о тайне брака» Г. Скачкова (Колл. Завол., № 63, л. 192). Сохраняя в целом форму заставки, писец как бы уходит от фигуративности растительных элементов декора образца, заполняет поле внутри рамки фантастическими беспредметными линейными и штрихованными деталями. Едва ли писцу было не под силу воспроизвести растительную тему орнамента — прочие заставки рукописи конкретны по узору, — здесь, как нам кажется, ему представилось возможным «абстрагировать» содержание манерного вычурного оригинала. Многие писцы шли по пути упрощения изопренных старопечатных орнаментов, оставляя в поле рамки один-два, как правило, растительных элемента узора. В заставке Месяцеслова 1890 г. (Латг. собр., № 100, л. 6) переписчиком сохранен лишь «вьюнок» из перистых листьев на чернильном фоне в рамке. «Псевдостаропечатных» орнаментов в Латгальских рукописях довольно много. Они выделяются в самостоятельный тип. Причудская книгописная традиция дает пока только один пример освоения этого источника — несколько заставок в роскошном лицево Синодике, переписанном и украшенном иконописцем из дер. Рая Г. Е. Фроловым в 1887 г. (Прич. собр., № 66, л. 59, рисунок пером по карандашной прориси).

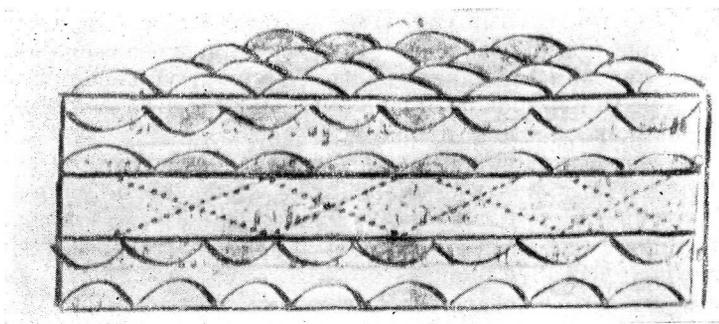
Заставки, концовки, виньетки и буквицы, выполненные одними чернилами (одноцветные или с дополнениями киноварью), являлись самым распространенным видом книжных украшений в Прибалтике. Вне зависимости от мастерства исполнителей, их можно разделить на два доминирующих типа: заставки бордюрные, т. е. состоящие из узорчатых лент, на которых ритмично чередуются те или иные элементы орнамента, и заставки вертикально-симметричные, в которых от середины вправо и влево расходятся симметричные узоры. Как первый, так и второй тип заставок может иметь обрамление в виде вытянутого горизонтально прямоугольника, иногда с навершием и украшениями по сторонам, или не иметь никакого окаймления, либо покоится на подножии в виде ленты или черты. Большее распространение получил второй — симметричный — тип заставок, имеющий отдаленным прообразом старопечатную графику. В центре таких заставок чаще всего видится утолщенный «ствол» в виде бутона, вазы, шишки, «крина», окошка с наличником, ворот, фигуры бочкообразной формы, изображения голгофского креста в картуше и т. п. От середины по бокам расходятся, иногда переплетаясь, стебли с листьями самой разной конфигурации — многолепестковые, перистые, стрельчатые и т. д., украшенные ягодами, бутонами, султанами. Иногда расходящиеся ветви превращаются у неумелых рисовальщиков в чисто условные изображения из волнистых или спиралевидных линий. Нередко переписчики используют штриховку на «листьях» или в фоне поля заставки. Характерным примером таких типов орнамента являются заставки из Сборника 1877 г. литературно-исторического содержания латгальского писца Л. К. Буцева (Латг. собр., № 123, л. 3 об., л. 2).

Орнамент бордюрных заставок состоит из чередующихся геометрических, как правило, фигур: треугольников, ромбов, квадратов, полукружностей и т. п. Возможны волнистые и спиралевидные кривые, образующие переплетения. Такие заставки выдают, как правило, наименее поднатеревших переписчиков и отличаются порой досадной неряшливостью. В отдельных случаях такие рисованные пером заставки впоследствии раскрашиваются, например цветными карандашами (см. заставку из сборника, содержащего Житие, чудеса и службу Иоанну Богослову, переписанного в начале XX в. в причудской деревне Березье),⁷ либо украшаются частыми разноцветными точечками. Нередки случаи, когда в одной

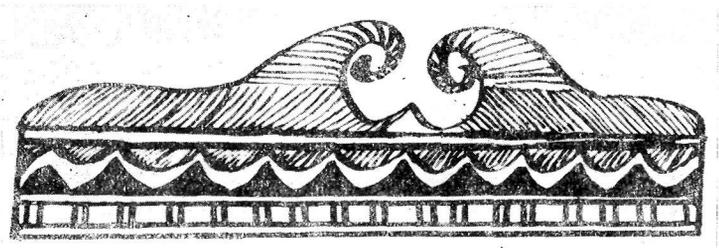
⁷ Аналогичный орнамент см. в других рукописях из Березья — № 114, 158, 159, 160.

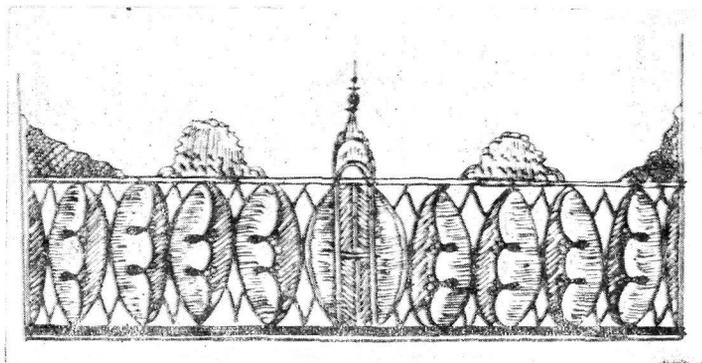
Заставка, 1887 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 123, л. 3 об.).

Заставка, XX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 159, л. 2).

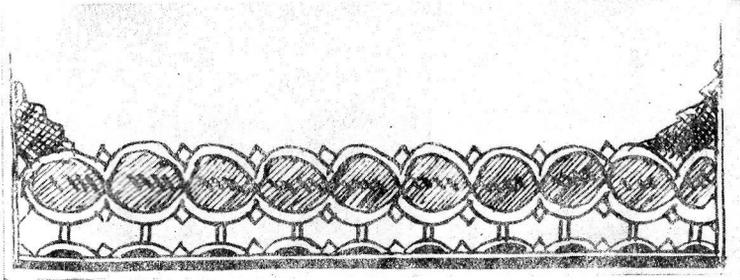
Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Заволоко, № 330, л. 49 об.).

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 142, л. 13).

рукописи переписчиком оставлено сразу несколько разных типов заставок и разных по манере типов буквиц. На рисунке представлена характерная рисованная пером заставка из Псалтыри XIX в. (Колл. Завол., № 330, л. 49 об.), сочетающая в себе оба типа орнаментики: нижняя часть бордюрная, верхняя — симметричная.

Любопытный тип чернильных орнаментированных заставок дают несколько рукописей, найденных в разных местах Прибалтики, но очень сходных по почерку и декору (Прич. собр., № 65, 76, 142, 182; Латг. собр., № 16, 55, 138; Колл. Завол., № 248). Заставки в этих разных по содержанию рукописных книгах отличаются наличием или отсутствием обрамления, высотой заставки, средником (ворота, храм или овал), но

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Дрeвлехранплеще, Причудское собр., № 142, л. 6).

правая и левая части заставки — это во всех восьми рукописях — цепочки из одинаковых чередующихся фигур. Может быть, это большие свернутые листья, или озерные раковины, или стилизованное изображение деревенской каменной ограды? (Прич. собр., № 142, л. 13).

В этой же рукописи на л. 6 тот же рисовальщик использовал иные элементы в декоре заставки. Важно отметить, что рукописи с этим специфическим причудским орнаментом найдены в Латгалии, что указывает на книгообмен между этими районами. С другой стороны, в данном случае явлен пример идентификации рукописей, найденных на географически «чужой» территории.

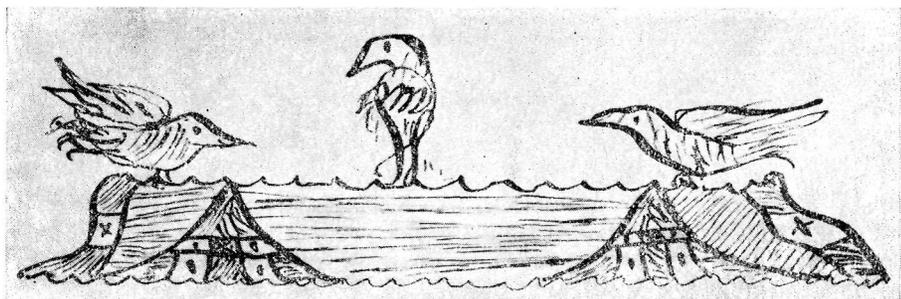
В украшениях прибалтийских рукописей часто встречаются стилизованные изображения птичек. Как декоративный элемент они применялись явно под влиянием поморских рукописей, где птицы органически вписываются в растительные узоры. Полюбившийся мотив широко используется причудскими рисовальщиками и в концовках. На рисунке воспроизведена концовка из Жития Исидора Юрьевского, рукописи последней четверти XIX в. (Прич. собр., № 46, л. 36). Такой грубоватый перьевой рисунок двух целующихся птиц с птенцами едва ли можно встретить в искусных, но чопорных поморских заставках. Весьма выразительное изображение птиц получилось у автора заставки из сборной рукописи XIX в. (Латг. собр., № 239, л. 105).

Наибольшей самостоятельности и выразительности в книжных орнаментах достигли прибалтийские книжники в оригинальных многокрасочных заставках. Использование разных цветов в сочетании с нетрадиционным индивидуальным рисунком обнаруживает в переписчиках стремление к самостоятельному творчеству в собственной манере и вкусе.

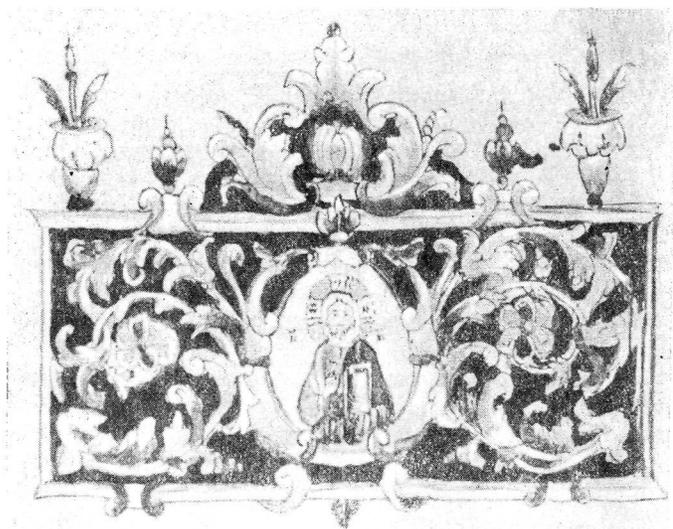
Один из ранних образцов многоцветного латгальского орнамента встречается в двух рукописях литературного содержания 3-й четверти XVIII в. (Латг. собр., № 45, 83). Заставки традиционной формы в рамках с наверху вертикально-симметричного типа с изображениями в среднике, в картуше, Иисуса Христа или креста голгофского. Узоры расти-

Концовка, XIX в. (ИРЛИ, Дрвелехранилище, Причудское собр., № 46, л. 36).

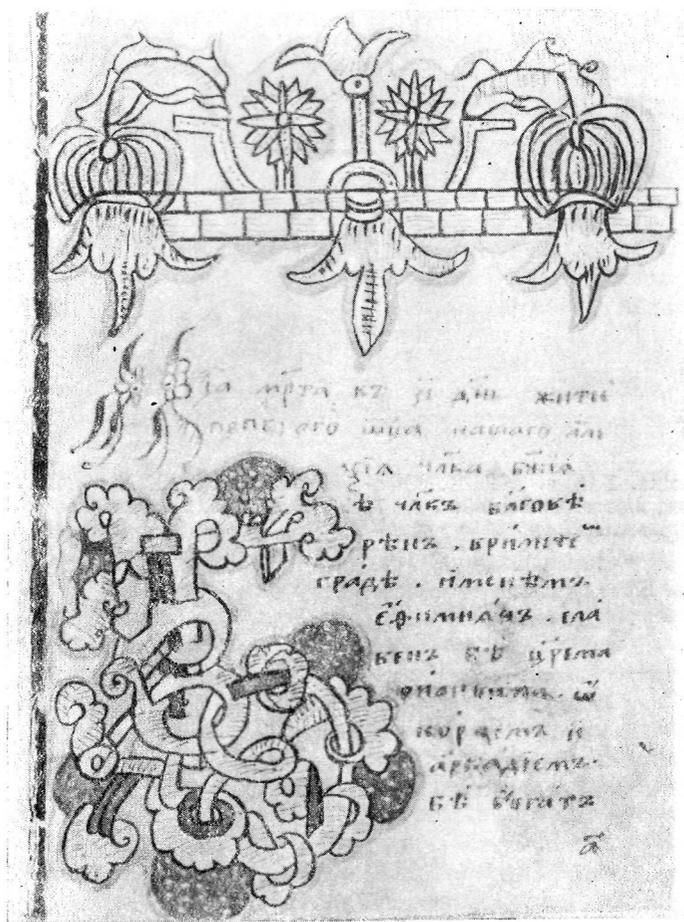

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Дрвелехранилище, Латгальское собр., № 239, л. 105).

Заставка, XVIII в. (ИРЛИ, Дрвелехранилище, Латгальское собр., № 83, л. 3).

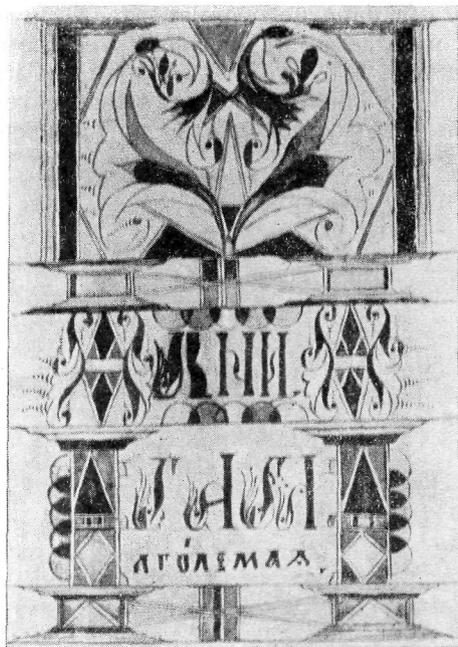
тельного типа с выраженными элементами барочного орнамента. Оригинальной является расцветка заставки в зеленой, коричневой, желтой и красной гамме (№ 83, л. 3). В других заставках иной конфигурации тем же художником используется более теплый, спокойный колорит красновато-охристого оттенка с зеленой разделкой. Краски локальные, но прозрачные, без подштриховки.

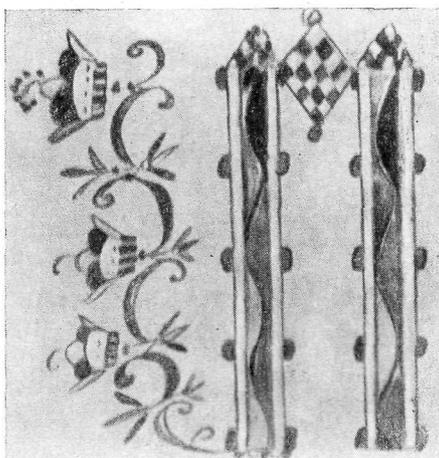
Заставка и инициал, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 162, л. 295).

В более поздних рукописях творческая фантазия латгальских книжников рисует нам формы уже совсем не традиционные. В сборнике литературного содержания (Латг. собр., № 162) находится несколько заставок одного художника, выполненных пером с разнообразной раскраской.

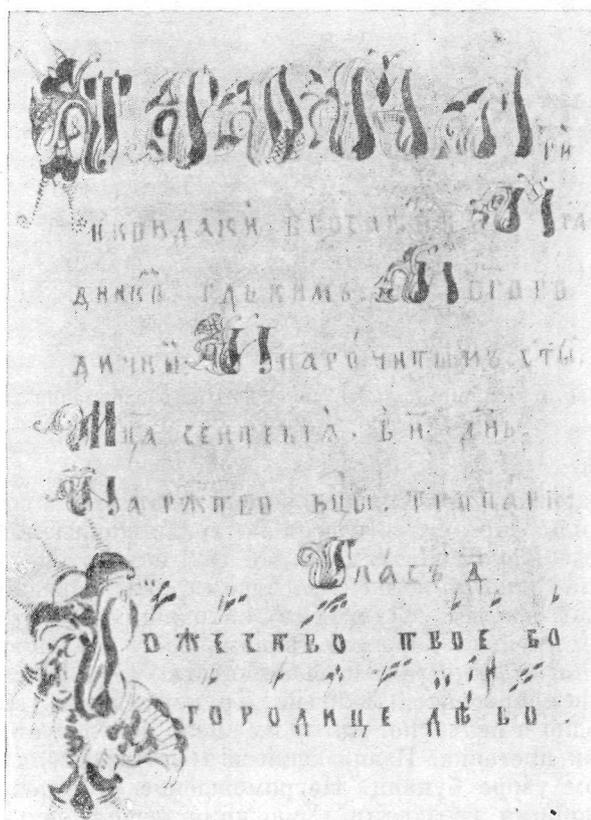
Поразительны формы заставок и находящихся рядом инициалов. Преувеличенно крупные, броские, занимающие большую часть листа, они поражают гротескностью и необычностью рисунка. Художник не утруждает себя прорисовкой мелочей. Крупные детали сочетаются друг с другом свободно и рельефно. Автор их смело использует такой древнейший мотив, как плетенка. Извивающиеся толстые стебли переплетаются в оригинальном узоре букв. Нагромождение «бутонов» и «султанов» чередуется с яркими гроздьями. Художник решительно рассекает традиционное подножие заставки свисающими вниз распростертыми буто-

Заставка-рамка, XIX в. (ИРЛИ, Древле-
хранилище, Латгальское собр., № 7,
л. 1).

Инициал «П», XIX в. (ИРЛИ, Древле-
хранилище, Латгальское собр., № 111,
л. 4).

Лист рукописи, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище,
Латгальское собр., № 14, л. 92).

нами. Раскраска каждого узла этого гротескного орнамента локальна. Автор пользуется сочетаниями красно-коричневых, зеленовато-голубых, коричнево-розовых или серебристо-малиновых насыщенных тонов в каждой отдельной заставке, причем фигуры заставок и буквы имеют еще дополнительную цветную обводку.

Иной колорит — прозрачные тона розового, желтого и зеленоватого цветов — мы находим в раскраске оригинальной заставки-рамки из певческого Ирмология (Латг. собр., № 7, л. 1). Тяжеловесная по композиции рамка облегчена светлой локальной раскраской отдельных элементов, причем орнаментальный мотив образован композициями из геометрических фигур, а растительные элементы занимают подчиненное положение. В такой же манере выполнен и единственный инициал рукописи.

Вообще в латгальских рукописях цветные инициалы не редкость, даже при отсутствии заставок. Примером является орнаментированная буква «П» из крюкового Октоиха (Латг. собр., № 111, л. 4). Любопытно, что автор ее использовал орнаментальный узор не под буквицей, а с левой стороны от нее. Раскраска в малиновый, зелено-голубой, синий и красный тона.

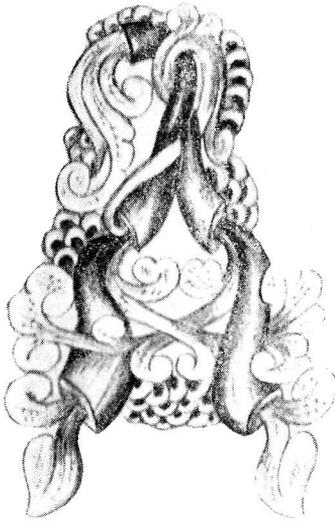
Оригинальным декоративным решением является изображение нескольких разноцветных букв, расположенных в разных местах на одном листе. Такой прием использован, например, в крюковом сборнике (Латг. собр., № 14, л. 92). На многих листах мы видим небольшие буквы, ярко раскрашенные в интенсивные цвета и орнаментированные изящным узором. Подобные книжные украшения едва ли встречаются где-нибудь еще.

Фантазии латгальским книжным художникам не занимать. В недописанной певческой рукописи (Латг. собр., № 180) мы опять встречаем орнаментальный гротеск. Особенно он выражается в рисунках инициалов. Умелый мастер творчески использует традиционную «плетенку». Толстым перевитым стеблям объемной штриховкой придан облик «рогов», обвитых длинными листьями с султанами. Помимо подштриховки отдельные узлы локально раскрашены в разные насыщенные цвета, фигуры имеют красочную обводку и цветной фон. Объемные элементы наряду с ленточными различаются и в декоре заставок этой же рукописи. Художник, следуя традиционным общим конфигурациям заставок, и в рисунке деталей орнамента и в живописной раскраске творит собственный узор, радуя взгляд читателя гармоничной многоцветной гаммой и удивляя фантастической графикой.

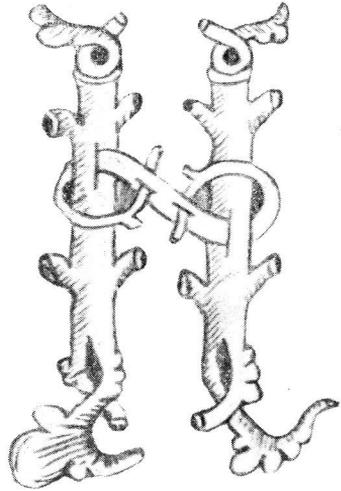
«Плетеные» узоры мы встречаем в книжном декоре латгальских рукописей, переписанных уже в XX в. Две сплетающиеся ленты яркого малинового и зеленого цветов в певческой рукописи из коллекции Заволоко (№ 97, л. 3) оканчиваются... «византийскими» завитками. Средник также из растительных элементов «византийского» стиля. Здесь следует предположить влияние орнаментики русского модерна, применявшейся в полиграфической продукции конца XIX—начала XX в.

Старинные орнаментальные мотивы имеются в заставке из рукописи 1906 г. с сочинениями местных полемистов. «Византийские» ленты или стебли как бы вырастают из горизонтального ствола, служащего подножием заставки (Латг. собр., № 107, л. 2). Раскраска ярких зеленого, малинового и желтого тонов с чернильной обводкой. На этом же листе помещена оригинальная буква «Н» в виде двух сучковатых стволов, перевитых сучковатой же лозой. Рисунок красными чернилами с объемной штриховкой.

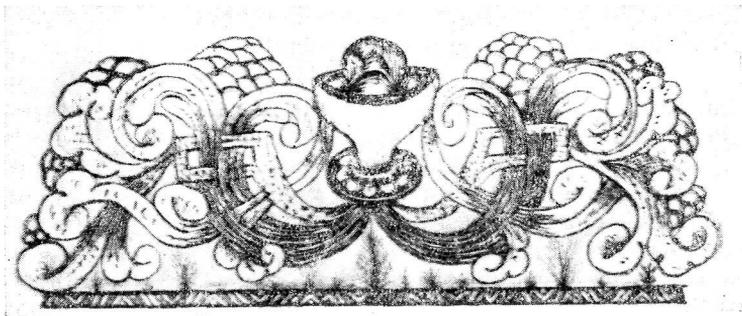
Завершая краткий обзор цветных и гротескных латгальских книжных орнаментов, следует указать, что большинство заставок по форме своей вертикально-симметричны, без обрамления. Наиболее употребительные цвета — желтый, зеленый, малиновый и коричневый.

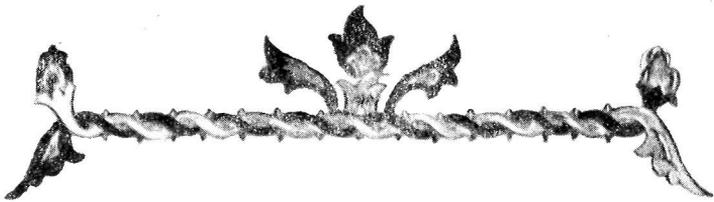
Инициал «Д», XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 180, л. 32).

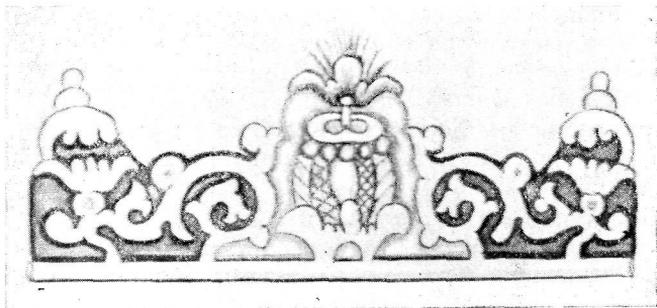
Инициал «Н», 1906 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 107, л. 2).

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 180, л. 1).

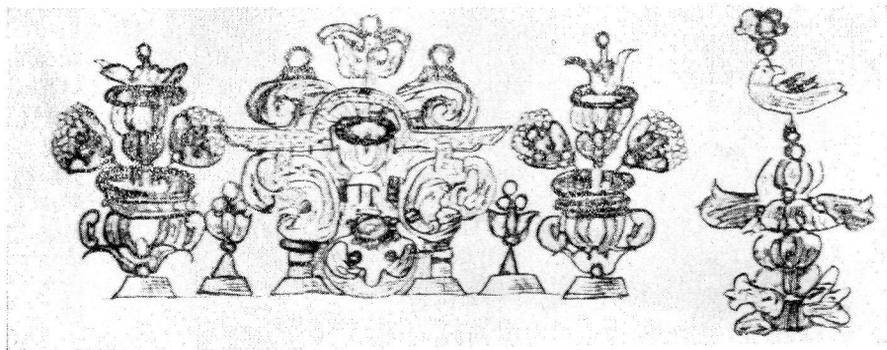

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Заволоко, № 97, л. 3).

Заставка, 1906 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Латгальское собр., № 107, л. 2).

В Причудском собрании цветные книжные заставки встречаются реже, чем в Латгальском, но имеется все-таки несколько оригинальных образцов, позволяющих говорить о своеобразии местной орнаментики. В рукописном певческом Октоихе 1866 г. (Прич. собр., № 100, л. 43) находится цветная заставка довольно неряшливого рисунка и раскраски, образованная изображенным в центре как бы оконным наличником, украшенным завитками и бутоном сверху. По бокам на подставках симметричные вазоны с букетами и плодами. Справа от заставки, заполняя оказавшийся пустым правый верхний угол страницы, изображен еще один цветок («крин»), увенчанный изображением птички с султаном. Раскраска в светло-коричневые тона с фиолетовыми и синими вкраплениями. В этой же рукописи несколько грубо раскрашенных орнаментированных инициалов, неумелое подражание которых поморским очевидно, а также оригинальная концовка в виде вертикального ствола

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 100, л. 43).

с условно изображенными листьями и навершием из бутона с восседающей на нем птичкой в короне. Ствол зеленый, листья желтые с темно-фиолетовыми вкраплениями.

Вертикально-симметричная по форме, на «подножии» и с венчающей ее шишечкой заставка из Жития Феодосия Васильева, переписанного около 1868 г. (Прич. собр., № 124), раскрашена в светлые зеленые и сиреневые тона с вкраплениями красного и огирается на фиолетовую ленту с уголками. Рисовавший ее художник избегает изображать конкретные растительные элементы, характерные для сходных по форме поморских оригиналов, хотя перистые листья и султаны искажены, но еще угадываются. Подштриховка объемов не оправдывает своей функции — декор заставки воспринимается как подбор плоских локальных цветных пятен, обведенных чернилами.

Несомненное стремление поярче украсить рукопись видно в оригинальных запоминающихся заставках причудской переписчицы Н. С. Тихониной. В литературном сборнике 1897 г. (Прич. собр., № 151) ею оставлены десять отличающихся друг от друга пестрых заставок и одна концовка. Прорисовка их отличается некоторой досадной небрежностью. В большинстве своем они вертикально-симметричные, но есть и бордюрного типа. Переписчица использует известные элементы декора: султаны, стебли, колонки, вазоны, бутоны, шишечки и т. п. В колорите заставок использован, как правило, желтый фон с фиолетовыми, синими и голубыми деталями с вкраплениями красного, глазками, ягодами и просто разноцветными точками и чернильной подштриховкой. Узор отличается пышностью, вычурностью, чувствуется самобытность мастера. Переписчица смело оживляет декор заставок введением нетрадиционных деталей:

изображениями рук, держащих свитки, меча, змеи, крестов, корон и т. п. На заставке л. 92 об. Н. С. Тихонина нарисовала птичек, сидящих как бы на перильцах балконной решетки. Противоположная тенденция — уже встречавшееся нам стремление в декоре рукописи уйти от традиционных предметных деталей в орнаменте — наблюдается в заставке богослужебной рукописи, переписанной в начале XX в. из Причудского собрания (№ 84). Заставка наивного рисунка с попыткой сохранить вертикально-симметричную композицию. Раскраска — интенсивные тона желтого

фона, коричневых и темно-красных султанов — как бы «забывает» условно наведенные абрисы султанов и листьев. Едва ли только неумелостью художника, подражавшего четким образцам, можно объяснить эту тенденцию.

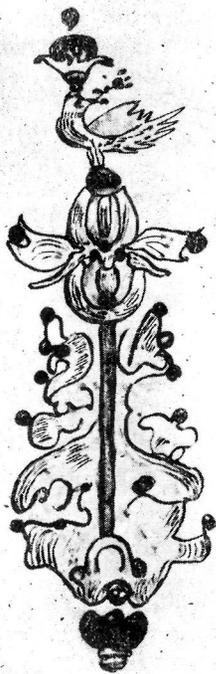
Упомянутая выше гротескность в орнаменте очень часто проявлялась в рисунках инициалов. Примером тому инициал «Д» из певческого сборника последней трети XIX в. (Прич. собр., № 96, л. 101). От традиционных инициалов здесь остался только общий абрис, а сама буква образована как бы из вытянутых округлых лоскутков, окрашенных в зеленые, сиреневые и синие локальные тона.

Таковы вкратце самые предварительные наблюдения над орнаментикой рукописей из русских старообрядческих общин в Прибалтике. Дело искусствоведов — подробно изучить их художественные особенности. А они представляют собой весьма обширный материал: в Латгальском собрании около половины, а в Причудском около трети рукописей содержат элементы художественного оформления. Мы же старались выявить наиболее характерные черты, могущие послужить опорой для палеографической атрибуции рукописей неидентифицированных. Остаются в стороне многие попутные вопросы: о связи рукописно-книжной орнаментики с местными художественными промыслами, о влиянии инациональных (эстонской и латышской) форм декора, хотя при предварительном изучении материала это влияние и не проявилось, и т. д. Важно отметить следующее: угасшая ныне

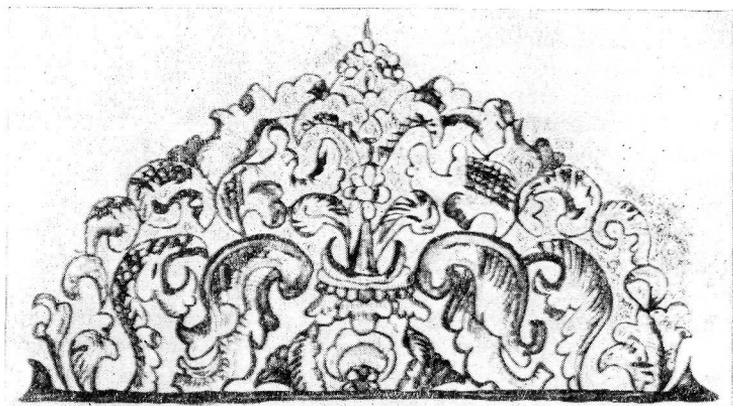
рукописно-книжная традиция русских старожилов в Прибалтике опиралась во всем своем многообразии на древнерусское искусство рукописной и печатной книги и явилась одним из завершающих аккордов этой многовековой прекрасной симфонии.

Рукописи северодвинской традиции находятся в Дрвлекранилице в Красноборском (далее — Красн.), Северодвинском (далее — СДв.) территориальных собраниях, а также в коллекции В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой (далее — Ам.—Богд.), поступившей из села Борок на Северной Двине. Таким образом, из общего числа 935 рукописей XV—XX вв. было выявлено 125 орнаментированных рукописей второй половины XVIII—начала XX в. Поскольку из них 103 рукописи приходится на Северодвинское собрание, то ниже мы будем говорить прежде всего о рукописях именно этого собрания.

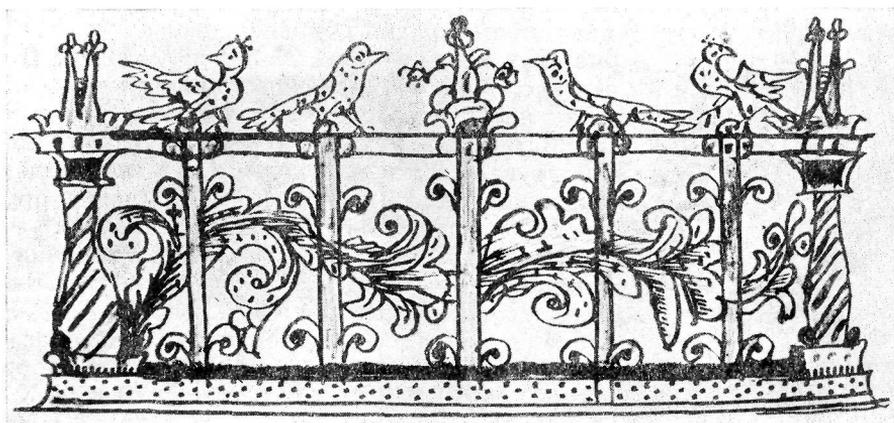
Какие же по жанру книги предпочтительно украшались северодвинскими писцами и художниками? Если в Прибалтике это были преимущественно «четыре» сборники и певческие книги, то в Северодвинском собрании нет, например, ни одной украшенной певческой рукописи. А един-

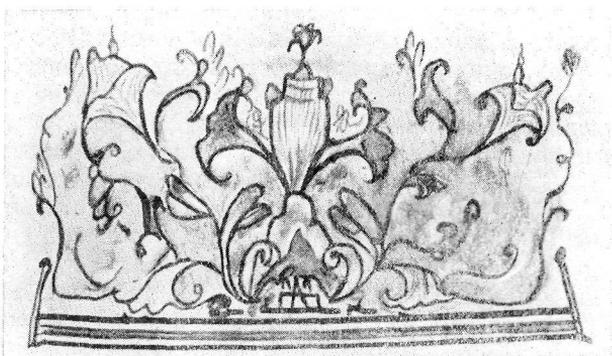
Концовка, XIX в.
(ИРЛИ, Дрвлекранилице,
Причудское собр.,
№ 100, л. 122).

Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 124, л. 8).

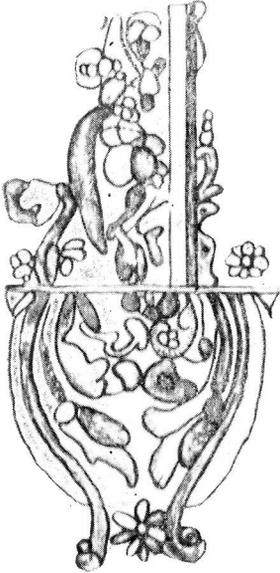
Заставка, 1897 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 151, л. 92 об.).

Заставка, XX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Причудское собр., № 84, л. 111).

ственный орнаментированный фрагмент крюковой рукописи конца XIX—начала XX в. в Красноборском собрании (№ 157) украшен заставкой «балканского» типа, выполненной красной тушью по зеленому фону. Певческие рукописи, как и книги поморского письма, вообще встречаются на Сев. Двине крайне редко. Что же касается «четых» книг (прежде всего сборников), то из 103 рукописей Северодвинского собрания их оказалось только 23, остальные же — это Псалтыри (20) и рукописи служебные (60), причем из числа последних 48 книг представляют собой православные календари — Святцы и Уставы о христианском житии, непрерывную и основную часть которых также составляют Святцы.

Нельзя, конечно, с уверенностью сказать, что все до единой рукописи Северодвинского собрания принадлежат северодвинской рукописной традиции. Возможно, что какие-то отдельные рукописи окажутся впоследствии продукцией территориально иных книгописных центров. Так, например, мы не рассматриваем в этой статье привезенный из-под Архангельска Сборник 1810 г. (СДв., № 515), украшенный четкими двухцветными геометрическими заставками. Дело в том, что ему нет аналогий в Северодвинском собрании, но несомненно этому же писцу и рисовальщику принадлежат рукописи, найденные в Карелии (Карельское собр., № 57) и г. Невеле (Белорусское собр., № 65). Однако такие случаи для Северодвинского собрания все-таки единичны.

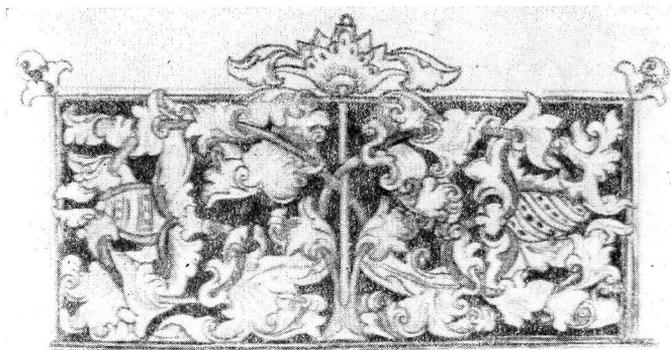

Инициал «Д», XIX в. (ИРЛИ, Древлекранилище, Причудское собр., № 96, л. 101).

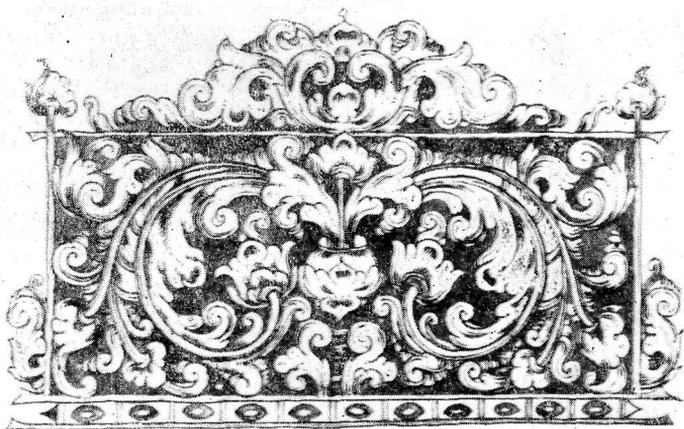
Во многих Уставах о христианском житии скопированы выходные данные печатных изданий, с которых они были переписаны (чаще других упоминается виленское издание 1794 г., — см., например, СДв., № 271, 282, 382); с издания Почаевской типографии 1794 г. был сделан в 30-х гг. XIX в. список Псалтыри (СДв., № 368), В. С. Вежливцев в 1879 г. скопировал с гродненского издания 1787 г. Цветник священноинока Дорофея (СДв., № 270), В. И. Третьяков в начале XX в. переписал и проиллюстрировал Страсти Христовы с издания 1795 г. (СДв., № 353). Перечень

можно значительно расширить. А поскольку все эти издания безусловно были более доступны в Латгалии и Причудье, чем на Сев. Двине, то там и не было нужды переписывать их в таком количестве. И наоборот — недостаточный приток печатных изданий подвигал северодвинских переписчиков на своеобразное «тиражирование» самых необходимых книг.

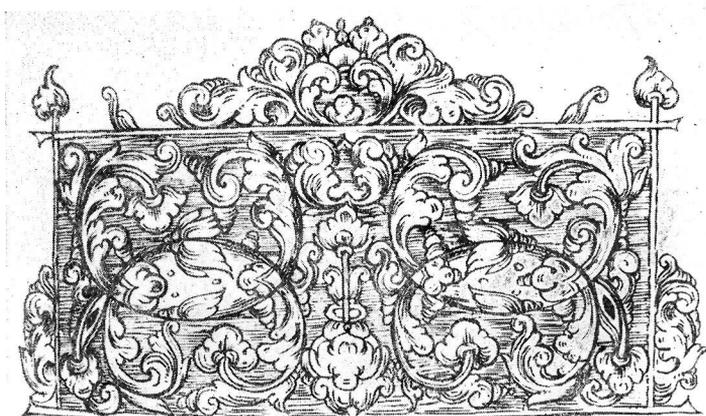
Переписывались, однако, прежде всего тексты изданий. Авторитет их графического оформления был невысок. Это относится не только к старообрядческим изданиям конца XVIII—начала XIX в., но и к старопечатным книгам в целом. Только заставки Сборника правил из Номоканона 10-х гг. XIX в. (СДв., № 250) последовательно ориентированы на печатные издания XVII в., но выполнены в красках (зеленый, красный и желтый по черному фону) на голубой бумаге. Палеографические данные позволяют предположить, что этот сборник относится к группе рукописей, переписчиком и оформителем которых был, вероятно, И. Ф. Колодкин из Пучуги. Рукописи это следующие: Сборник полемический 10-х гг. XIX в. (СДв., № 251), «Утверждение пустынного жития» конца XVIII в. (с позднейшей припиской на л. 53 об. об авторстве И. Ф. Колодкина и датой его смерти — 1834 г.; Ам.—Богд., № 41) и авторская копия сочинения 10-х гг. XIX в. (СДв., № 252), Сборник старообрядческих сочинений 80—90-х гг. XVIII в. (СДв., № 362) и копия с него 20-х гг. XIX в. (СДв., № 365), Святцы 1825 г. (СДв., № 519).

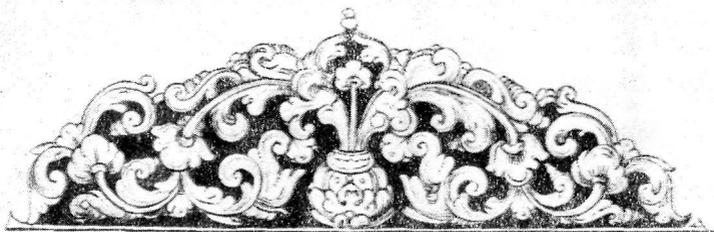
Заставка, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 250, л. 20).

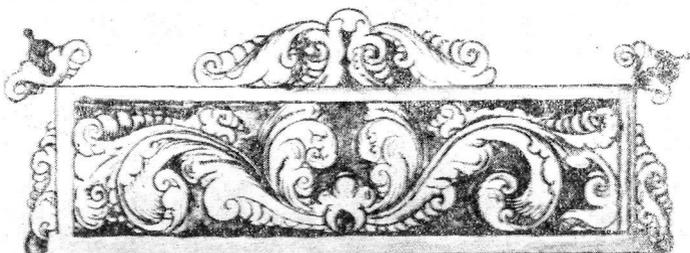
Заставка И. Ф. Колодкина, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 362, л. 10).

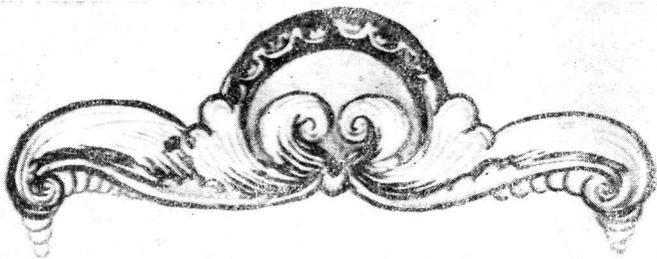
Заставка И. Ф. Колодкина, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 362, л. 73).

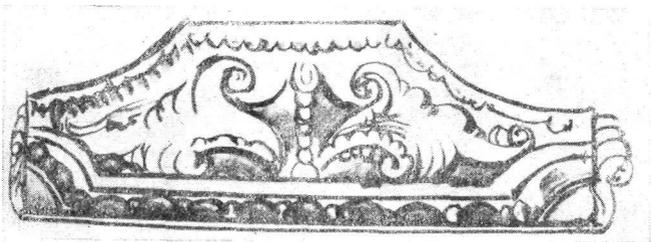
Заставка И. Ф. Колодкина, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 362, л. 104).

Заставка Миней общей, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 486, л. 7).

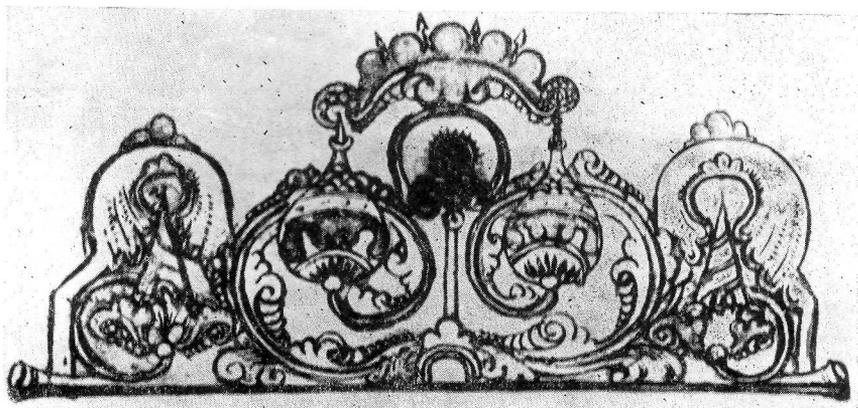
Заставка Миней общей, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 486, л. 70).

Заставка Миней общей, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 486, л. 257).

Заставки этих Святцев двухцветные (чернила и киноварь) и по рисунку отличаются от других рукописей этого ряда, они более геометризованы. В то же время заставки на л. 37 и 43, выполненные только контуром с характерным центром в виде кувшина или вазы, несомненно близки СДв., № 251, где колорит заставок строится на сочетании голубого, желтого и красного или желтого и красного. От вазы в центре расходятся плавные завитки листьев, иногда в вазе — ягодный куст, и стоящие по сторонам птицы склевывают ягоды; на л. 8 отголоски старопечатного орнамента на штриховом фоне. Ваза с широкими, напоминающими морскую раковину листьями на л. 16, 232 уже есть в Ам.—Богд., № 41 и повторена в СДв., № 252.

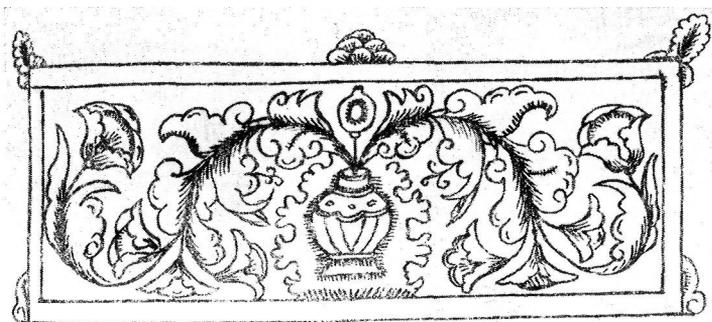
К искусству рукописной книги 2-й половины XVII в. тяготеют заставки СДв., № 362. Заставка на л. 10 выполнена раскраской штриха

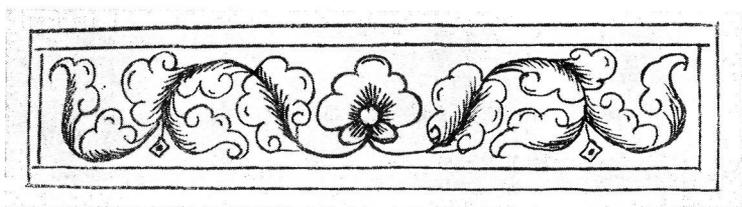
Заставка И. Ф. Колодкина (?), XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 335, л. 1).

желтым и зеленым на шоколадного цвета фоне, на л. 73 — без раскраски на горизонтально-штриховом фоне, на л. 104 заставка без рамки, без раскраски, фон черный. В позднейшей копии с этого сборника (СДв., № 365) колорит первой заставки сохранен, две другие выполнены на красном фоне. Впоследствии, уже в начале XX в., первую заставку воспроизвел в Страстях Христовых В. И. Третьяков (СДв., № 353, л. 3), но на розовом фоне без раскраски.

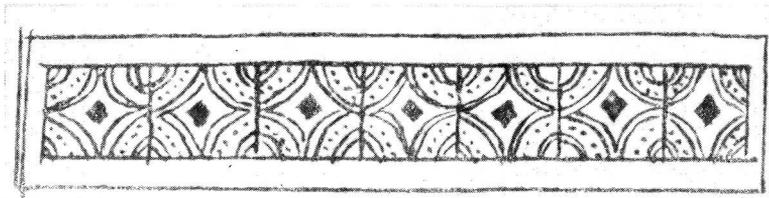
Не исключено, что И. Ф. Колодкиным были украшены еще три рукописи — Минея общая 20—30-х гг. (СДв., № 486), Месяцеслов 1833—1834 гг. (СДв., № 335) и Сборник историко-полюемический первой трети XIX в. (Ам.—Богд., № 64). В Минее общей цвет доминирует над рисунком, в основе которого те же тяжелые завитки широких листьев, что и упоминавшиеся в СДв., № 251. Иногда заметны композиционные отголоски старопечатного орнамента. В каждой заставке сочетается от 2 до 4 цветов: красный—зеленый—желтый, зеленый—желтый, красный—голубой, желтый—красный—зеленый—голубой, красный—черный. В Ам.—Богд., № 64 только на л. 3 заставка из двух крупных цветков, увенчанных бутоновым пятиглавьем (красная штриховка на черном фоне), вторая заставка на л. 217 выполнена пером. На сочетании желтого, зеленого, красного и синего строится заставка на л. 1 в СДв., № 335; остальные заставки — рисунки пером, как и в предыдущей рукописи. Совпадают и почерки в них. Переписаны этим почерком л. 355—369, 405—414 об. Минеи общей, а основной ее почерк, несомненно сходный с рукой И. Ф. Колодкина, представлен на л. 2—5 об. Сборника (Ам.—Богд., № 64).

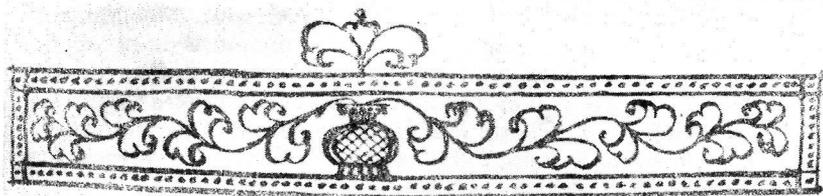
Заставка Псалтыри, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 300, л. 5).

Заставка Псалтыри, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 300, л. 29).

Заставка Святцев, 1836 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 522, л. 52 об.).

Заставка Миней служебной, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 436, л. 145).

Характерно также начертание букв вязи и инициалов этих рукописей (см. также инициалы в СДв., № 362). Но все-таки говорить о принадлежности этих графических заставок И. Ф. Колодкину вряд ли возможно, хотя они и очень профессиональны по исполнению. Дело в том, что есть рукописи этого почерка и орнамента, датированные 1835 и 1836 гг., т. е. временем после известного нам из приписки года смерти художника.

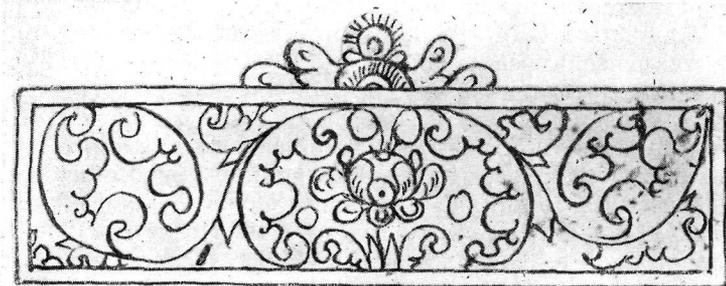
Этим же мастером, в графической манере, кроме упоминавшихся Сборника и Месяцеслова, оформлено еще несколько рукописей: Шестоднев служебный 20—30-х гг. XIX в. (СДв., № 260), Псалтырь 30-х гг. (СДв., № 300), Святыи 1835 г. (СДв., № 432) и 1836 г. (СДв., № 522). Основной мотив заставок — цветочные и листовые гирлянды с штриховой разделкой, расходящиеся от центра или бордюрного типа. Иногда мотив геометризуется. Кстати, все основные орнаментальные мотивы заставок, в том числе четырехлистник и ромбы со сдвоенным контуром, представлены на миниатюре с изображением царя Давида в Псалтыри (СДв., № 300).

Заставка на л. 179 в этой Псалтыри отличается от прочих тем, что выполнена глухой расцветкой коричневыми чернилами по штриховому фону. Этот же принцип расцветки использован в Минее служебной избранной на сентябрь—октябрь (СДв., № 220, л. 259), но охрой по чистому фону. Однако сама прорись заставки в СДв., № 220 отличается от перечисленных выше и точно совпадает с обеими заставками Минее служебной избранной на август (СДв., № 435, л. 145, 217), где они контурные, без расцветки.

Отметим сразу, что подобные гирлянды сдвоенных лепестков встречаются и на северодвинских прялках. Сходство мотивов не ограничивается только этим примером. Из прямых изобразительных аналогий можно указать также круглящиеся листья из Устава о христианском житии (СДв., № 382, л. 2), возможно, работы В. И. Третьякова и его заставки в Страстях Христовых (СДв., № 353), «вьюнок» из Шестоднева (СДв., № 260, л. 188 об.) и заставку из Псалтыри последней четверти XIX в. (СДв., № 498, л. 155) — мотив чередующихся полукружий и трех вытянутых вверх треугольников встречается в окаймлении лопасти прялок.

В этой связи представляют интерес и заставки двух Псалтырей, переписанных с гродненского издания 1788 г. во 2-й четверти XIX в. (Красн., № 95 и СДв., № 167). Все заставки в широких киноварных рамках, окаймленных сверху и снизу полосками желтого; композиция чаще всего строится на комбинации желтых полусфер с красной внутренней и внешней каймой, они занимают центр заставки, иногда верхние и нижние углы ее; пространство внутри полусфер заполнено синими фигурами, по форме напоминающими челноки или коконы, с желтыми завитками и цветами (ромбовидными и пышными) красной и синей расцветки. На л. 36, 134 (СДв., № 167) в композицию введены изображения птицы Сирия, а на л. 191 — птиц, как и на л. 38, 138 об., 194 в Красн., № 95. Цвет заставок плотный, слегка приглушенный от времени.

Почерк и принципы графического оформления СДв., № 260, 300, 432, 522 встречаются и в более поздних рукописях. Орнамент, правда, становится плоским, без штриховой проработки и менее уверенным по рисунку. В этом смысле показательна Псалтырь (СДв., № 312), где заставка на л. 22 еще построена вполне ритмично, уверенной линией, а остальные выполнены уже в манере «терновника». Поскольку Устав о христианском житии (СДв., № 433) датируется по пасхалии 1849 г., то можно предположить, что стиль оформления рукописей этим писцом изменился к середине XIX в. В этом же Уставе на л. 4 об. встречается орнамент в виде цветка на зигзагообразном стебле, вместо лепестков — ворсинки или реснички. Такой же цветок, но на прямом стебле с листочком мы видим в Скитском покаянии (Красн., № 49, л. 2); в Уставе о христианском житии (СДв., № 274, л. 18 об.) это уже не цветок, а скорее морской конек; в Уставах

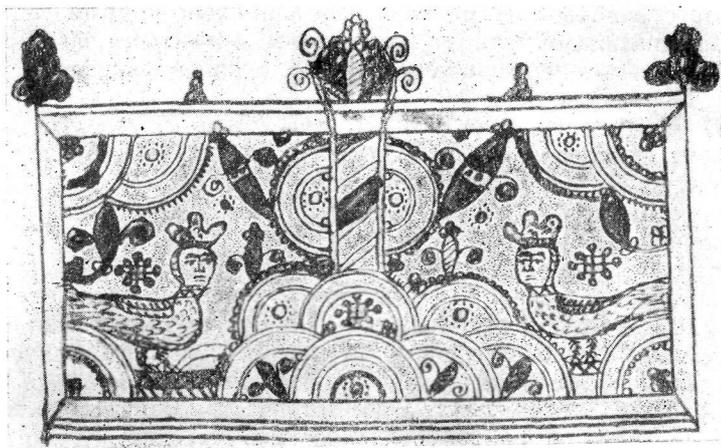
Заставка Устава, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 382, л. 2).

Заставка В. И. Третьякова (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 353, л. 20 об.).

Заставка Псалтыри, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 498, л. 155).

Заставка Псалтыри, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 167, л. 36).

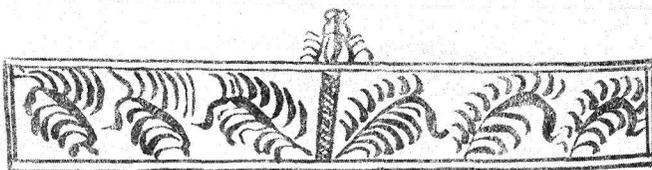
Заставка Святцев, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 274, л. 18 об.).

Заставка Сборника, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 304, л. 2).

Заставка Устава, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 382, л. 32).

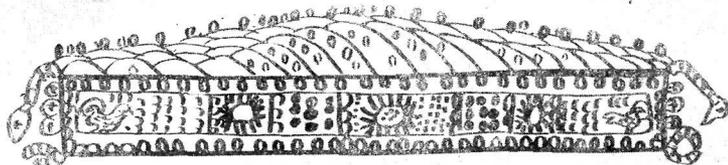
Заставка Святцев, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 274, л. 36 об.).

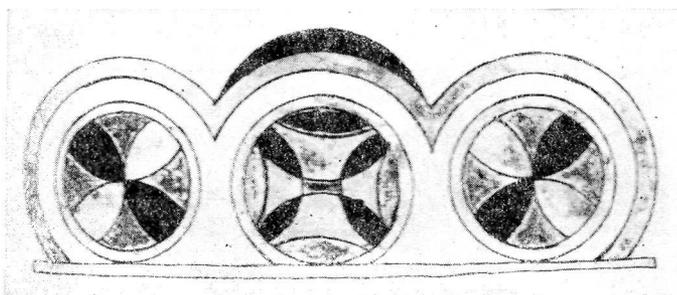
Заставка Святцев, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 274, л. 73 об.).

Заставка Псалтыри, 1862 или 1867 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 491, л. 46).

Заставка Псалтыри, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 276, л. 4).

Заставка Минеи служебной, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 220, л. 159).

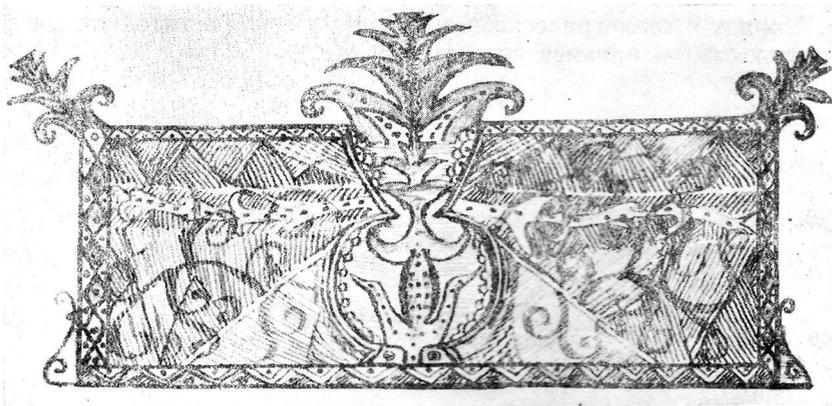

Заставка Святцев, 1863 г. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 490, л. 53 об.).

Заставка Устава, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 184, л. 4).

СДв., № 271 (л. 99), 282 (л. 123), 302 (л. 120) и Сборнике литературном (СДв., № 304, л. 2) орнамент приобретает вид «двойки» с нижней петлей, но с неизменными ресничками по внешнему контуру. Подобный изобра-

Заставка В. С. Вежливцева, 1879—1880 гг. (ИРЛИ, Дрвелехранилище, Северодвинское собр., № 295, л. 3).

зительный прием известен в росписях мезенских прялок, но не встречается в северодвинских.

Большая часть северодвинских заставок несомненно выполнялась самими переписчиками. Двухцветные заставки, как правило, соответ-

Заставка И. С. Точилова, 1879 г. (ИРЛИ, Дрвелехранилище, Северодвинское собр., № 214, л. 28).

ствуют по цвету тексту рукописи. Преобладают растительные мотивы, широколистные (СДв., № 382, л. 32), папоротниковые (СДв., № 274, л. 36 об.), хвойные (СДв., № 274, л. 73 об.). Иногда на заштрихованном фоне мотив начинается восприниматься как глухая резьба по дереву (СДв., № 491, л. 46). Своего рода пиктограммой является заставка Псалтыри, переписанной с издания 1646 г. (СДв., № 276, л. 4). Встречаются строго геометризированные циркульные (СДв., № 220, л. 159) и линейные (СДв., № 490, л. 53 об.) формы орнамента. Иногда же орнамент становится усложненным и хаотичным (см. выполненные охрой и черными чернилами заставки СДв., № 184, 201, 318, 438, 441, 453, 494, 532), что особенно наглядно видно на фрагменте Устава (СДв., № 318, л. 1), где нет и намек на какую-либо предметность или геометричность в завитках и произвольно сгруппированных точках, заключенных в клубок оранжевых линий,

лишь в центре заставки есть подобие папоротниковых веток. В орнаменте Устава 1879 г. (СДв., № 438) используются буквы А, Ъ, Ѓ.

Велика вариативность заставок в пределах одной рукописи. Так, например, в Евангелии учительном 1880 г., переписанном В. С. Вежливцевым (СДв., № 295), число заставок доходит до 77, выполненных в два цвета. Наряду с геометрическими заставками есть растительные, но большей частью это — орнаментальные завитки, эллипсы в точечной окан-

Заставка И. С. Точилова, XIX в. (ИРЛИ, Древлехранилище, Северодвинское собр., № 526, л. 117).

товке; заполнение контура точечное и штриховое, разная направленность частого штриха глушит рисунок. Повторяющихся заставок нет. Казалось бы, Святцы 1879 г., переписанные и украшенные И. С. Точиловым, частично опровергают тезис о вариативности. Здесь все заставки рамочные, с излюбленным пятилистником в навершии и сдвоенной линией в основании, с симметричными цветочными и листовыми мотивами (СДв., № 214). Но уже в Псалтыри (СДв., № 526), вышедшей из-под пера того же И. С. Точилова, мы не найдем ни одной повторяющейся заставки, причем все они выполнены в несколько иной манере, чем упомянутые выше.

Таким образом, рассмотренный в статье и приведенный в иллюстрациях материал представляет собой лишь незначительную часть орнаментальных форм и мотивов рукописных книг XVIII—XX вв. Материал этот нуждается в более пристальном изучении и систематизации. Но основой такого рода исследований всегда останутся территориально фиксированные рукописные собрания и коллекции, только на их материале можно будет утвердительно говорить о существовании местной рукописной традиции, о существовании латгальского, причудского или северодвинского орнаментов.